

вочеловечения Премудрости и евхаристически-жертвенное значение этого действия. Храм имеет семь колонн.

Нельзя не признать, что сложная композиция волотовской фрески со сценой заклания тельцов, с подчеркнуто-значительным монументальным образом Богоматери в «славе», с погрудным изображением Соломона, двумя старцами, в которых нужно видеть Козьму Маюмского и Иоанна Дамаскина — песнопевцев Богоматери, с группой верующих, стремящихся к чаше, преподносимой слугами Премудрости, — несравненно более полно и более глубоко выражает смысл Соломоновой притчи, чем охридская ее предшественница. В Волотове настолько своеобразно и самостоятельно понят и разработан сюжет притчи, что говорить о каком-либо юго-славянском влиянии можно разве лишь в плоскости идейной, но вряд ли иконографической. Предположение Мейендорфа, что создателями волотовской фрески были византийские мастера, ни на чем не основано.⁵³

Обращает на себя внимание крылатое изображение Софии в Охриде, очевидно, понятой мастером как «Ангел Великого совета». Изображение «Ангела Великого совета», по свидетельству исследователей,⁵⁴ было очень распространено как на Афоне, так и в славянских странах. Видеть же в данной фигуре влияние богомилства, отождествлявшего Христа с архангелом Михаилом, по мнению Мейендорфа, нет достаточных оснований.⁵⁵

Необычной кажется также интерпретация «слуг» Премудрости в виде женских фигур, тогда как в греческом тексте Библии о них говорится в мужском роде. Мейендорф предполагает в данном случае воздействие латинской Вульгаты, которая в согласии с еврейским мазоретическим текстом действительно говорит не о слугах, а о «служанках».⁵⁶

Не останавливаясь на других юго-славянских фресковых изображениях на тему притчей Соломона, укажу только, что в Дечанах, где этой теме посвящен целый цикл, в сцене евхаристии апостолов причащает не Христос, как обычно, а «Премудрость» в виде крылатой женской фигуры, парящей в воздухе,⁵⁷ что с очевидностью показывает отождествление Премудрости со вторым лицом Троицы — Логосом или, иначе, «Ангелом Великого совета» по библейскому тексту.

Но если так можно объяснить крылатое изображение Премудрости на Балканах, то образ Премудрости волотовской фрески в виде бескрылой царственной женской фигуры не находит себе прямого объяснения ни в каких вышеприведенных толкованиях. Очевидно, здесь нужно видеть чисто индивидуальное истолкование мастера, непосредственно восходящее к библейскому тексту притчей Соломона. В более поздней русской иконографии — на иконе Третьяковской галереи (XV—XVI вв.) и на резных образках Уварова и князя Пинского — фигура Премудрости имеет вид Эммануила, что более соответствует идее Логоса, второго лица Троицы до воплощения.

Таков был круг идей о Софии — Премудрости божией, который мог быть доступен Новгороду в эпоху создания волотовской росписи.

Не остался Новгород чужд и иным проблемам чисто умозрительного характера: вопрос, поднятый в середине XIV в. тверским епископом Феодором о реальном существовании или только умопредставляемости рая

⁵³ См.: там же, р. 273—274.

⁵⁴ См.: Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I. 1905, стр. 76.

⁵⁵ J. Meyendorff. L'Iconographie, p. 268.

⁵⁶ См.: там же, стр. 273.

⁵⁷ См.: там же, стр. 272—273, fig. 9.